

Глава XXV. К «Народному фронту»

Постоянные аресты Дуррути и тюремные заключения не препятствовали ни ритму его мыслей, ни его природному оптимизму; но, с другой стороны, его длительные периоды «изоляции», так же, как и других его товарищей, лишали НКТ и ФАИ активистов, которые в застенках страдали от безделья.

Как только Дуррути вступал в контакт с действительностью, то набрасывался на информацию всех журналов и газет; затем заново наступал перерыв, в котором он вынужденно терял нить событий. Единственным спасением для быстрого понимания фактов и событий была его ясная интуиция. Последний разговор с Аскасо, который в те дни поправлялся в Сабаделе от осложнений лёгочной болезни, был посвящён, похоже, политике партии социалистов в поиске новых союзников и коалиций. Этому себя посвятила и Коммунистическая партия, набравшая силу в связи с заболеванием Ларго Кабальеро большевистской «корью». Аскасо и Дуррути сказали себе: если тактика Народного фронта, начинающая применяться во Франции, начнёт действовать в Испании, то для НКТ настанут трудные времена, потому что блок сил, нацеленный на выборы, любым способом попытается задушить организацию. Нужно было как можно быстрее разоблачить этот обман, чтобы не позволить рабочему классу утонуть в иллюзии миража, как случилось 14 апреля 1931 года. Как видим, у Дуррути не было нужды в интуиции; но чего у него было с лихвой, так это тюремных заключений. На этот раз он пробудет в четырёх стенах несколько так называемых «правительственных» месяцев.

Вскоре после последнего ареста Дуррути партия коммунистов провела митинг в здании кинотеатра «Монументаль» в Мадриде. Хосе Диас произнёс длинную речь, чтобы в её финальной части предложить образование Антифашистского народного объединения в рамках программы, имеющей четыре пункта:

«а) конфискация земных владений крупных собственников (...) без какого-либо возмещения убытков, и немедленная передача земли бедным крестьянам и сельским работникам;

б) освобождение народов, угнетённых испанским империализмом; предоставление Каталонии, Эускади (стране басков), Галиции и всем национальным меньшинствам, угнетаемым испанским империализмом, права самим определять свою судьбу;

в) улучшение условий жизни и труда рабочего класса;

г) амнистия заключенным в тюрьмах»⁴⁵⁶.

Программа была короткой, очень короткой, так как за исключением пункта о земле, включённого в силу демагогических соображений, остальное было снято под копирку с программы, изложенной ранее Мануэлем Асаньей в Месталье (Валенсия) и Комильяс (Мадрид), где тот высказался за коалицию республиканских партий на предстоящих выборах. Но в указанной программе имеется один пункт об испанском империализме; речь идёт о предоставлении права свободного правления трёх упомянутых регионов. Тем не менее не хватает основного аргумента для характеристики Испании как империи; мы говорим об африканских колониях Испании в те времена, в частности о Протекторате Марокко. Почему о нём забыли? Войска, участвовавшие в репрессиях Астурии, были присланы из Марокко по той простой причине, что правительство не доверяло солдатам полуостровной Испании. Коммунистическая партия предлагала создать антифашистский фронт и одобряла продолжение политики угнетения марокканского народа, на чьей земле зарождалась фашистская угроза, разоблачаемая в программном выступлении. Весьма странное противоречие! Однако очень типичное для «коммунизма», руководимого из Москвы.

Политический результат речи Хосе Диаса равнялся нулю, но в общих чертах КПИ продвигалась по направлению к своей будущей позиции, которая определится уже через несколько месяцев. Пока, нужно заметить, Испания не принималась в расчёт в подготовке тактических изменений, проводимых Москвой уже более года назад. В них главное место отводилось Франции, потому что эта страна была составной частью стратегии Сталина и его команды под названием «защита Советского государства». Всё было направлено на удовлетворение интересов Советского Союза; таким же образом надо понимать тактику Народного фронта и последующие последствия, в которых будет участвовать сама Испания, в силу особых обстоятельств. Именно поэтому мы вынуждены включить в это биографическое произведение краткое отступление — специфический аспект международной политики.

С момента прихода к власти Гитлера в 1933 году и вплоть до 26 января 1934 года Сталин не изменил своей позиции. В феврале 1933 года Социалистический рабочий интернационал (социалдемократия) обратился к Коммунистическому интернационалу, или Третьему, с призывом образования единого антифашистского фронта, но ответа не последовало. Социалистический рабочий интернационал в августе того же года опять пригласил Коминтерн к сотрудничеству, но безрезультатно. Коминтерн, или, другими словами, Сталин и московские иерархи не отвечали просто потому, что ещё не считали Гитлера своим врагом, так же, как и Муссолини. Советское государство поддерживало хорошие отношения с двумя диктаторами. В действительности же советскому диктатору было важно спасти международные договоры, подписанные Германией и Россией ещё в 1922 году, в том числе знаменитый Рапалльский договор⁴⁵⁷. Пока такое представлялось возможным, Сталина не волновало, что Гитлер и его нацистский тоталитаризм искореняли в стране социализм и сам коммунизм. Вплоть до 26 января 1934 года Сталин питал такую надежду, но в тот день, когда Германия и Польша подписали договор, рассмотренный военными экспертами как прямая атака на Россию, он переменял свою тактику, адаптируя её к волнениям правительственных кругов Франции, вызванным этим соглашением. Французы усмотрели в договоре угрозу, поскольку он нарушал равновесие альянсов, установленных европейскими государствами после Первой мировой войны. Быть может, сам того не желая, Гитлер опять

восстанавливал положение против Германии, подобно сложившемуся в Европе до 1914 года, то есть трёхсторонние и перекрёстные союзы между Россией, Францией и Англией⁴⁵⁸.

С января 1934 года начались дипломатические зондирования почвы между Советским Союзом и Францией. Французы поддержали кандидатуру Советского Союза для вступления в Лигу Наций. Сталин в качестве ответной меры отдал приказ французской компартии адаптироваться к альянсу с социалистами и французской буржуазией. Пакт Блюм-Торез-Даладье, подписанный 14 июля 1934 года, подтверждал это. Перед нами — первый акт комедии Народного фронта. Перейдём ко второму. Он прошёл 2 мая 1935 года — в день подписания Пакта о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом, то есть между Сталиным и Лавалем. В окончательном коммюнике Пакта Сталин заявил, что «понимал и полностью одобрял политику национальной обороны Франции с целью поддержания её вооружённых сил на уровне безопасности». Вплоть до 2 мая 1935 года Коммунистическая партия Франции всегда отказывалась голосовать за военные кредиты. Кроме того, полтора месяца до указанного дня — 2 мая — Торез, выступая на заседании Национальной Ассамблеи, заявил: «Мы никогда не позволим втянуть рабочий класс в войну, называемую защитой демократии против фашизма». Заявление Сталина обозначило резкую перемену, так как в тот самый день, 2 мая 1935 года, на стенах и ограждениях французских зданий появились плакаты с лозунгом: «Сталин прав». А центральный орган французской компартии взял на себя задачу объяснить французским коммунистам, «что войны бывают разные». Приступим теперь к третьему акту:

25 июля — 17 августа 1935 года проводится VII съезд Коминтерна. Действующие лица: Димитров и Тольятти выступают перед публикой Коминтерна. Тактика Народного фронта; её сущность — альянс со средним классом и представляющими его партиями с целью образования единого фронта вместе с рабочим классом, «чтобы преградить путь наступлению фашизма». Эту необходимость объяснил теоретик тактики Димитров: «Потому что на сегодняшний день в ряде капиталистических стран массы рабочих должны сделать чёткий выбор не между диктатурой пролетариата и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом». Тольятти, в свою очередь, образумил некоторые строптивные делегации, которые отрицали наличие революционного характера в тактике Народного фронта: «Некоторые товарищи, наверное, могут подумать, что подписание договора с Францией равнозначно отказу в Европе от революционной перспективы; они сравнивают Договор о взаимопомощи с вынужденным отступлением под вражеским огнём. Но они ошибаются, потому что эта мера — далеко не отступление, а продвижение вперёд, а те, кто не понимает глубокой внутренней связи моих тезисов, ничего не понимают в истинной диалектике, приводящей в движение все события, и тем более — в революционной диалектике».

Если мы внимательно рассмотрим сюжет и взгляды, лежащие в основе тактики Народного фронта, хотя Димитров и старался представить его как нечто подходящее для всех стран, мы увидим, что он несовместим с испанской реальностью по той простой причине, что его тактика создавалась для применения во Франции, стремясь к альянсу средних классов и их партий, то есть с радикалами Даладье. Тем не менее, будучи жёсткой схемой, в которую должны были вписаться коммунистические партии «стран буржуазной демократии», Москва и Коминтерн не допускали дискуссий на тему, даже если бы для этого нужно было бы

выдумать средние классы и соответствующие партии, как в случае с Испанией. И именно так, хотя всё это более походит на выдумку, поступил челночный представитель Коминтерна Жак Дюкло в своих отношениях с Ларго Кабальеро. Посмотрим манеру рассуждений этого агента, руководимого москвичами:

«Ларго Кабальеро, главный руководитель Социалистической партии и ВСТ, оказался ключевым элементом для организации Народного фронта в Испании. Нужно было попытаться убедить его в необходимости для испанского рабочего движения принять во внимание произошедшее во Франции. Для этой цели Коминтерн поручил мне посетить Ларго Кабальеро в Мадриде в качестве представителя этой международной организации и руководителя компартии Франции, очень тесно связанного с образованием Народного фронта в моей стране».

Человеком, организовавшим контакт Жака Дюкло с Ларго Кабальеро, был Хулио Альварес дель Вайо, под чьим началом удалось слить воедино молодёжные организации коммунистов и социалистов. В результате образовалась «Единая социалистическая молодёжь» (...); её секретарём остался Сантьяго Карильо, который ещё ранее вступил в ряды КПИ во время недавней поездки в СССР. Альварес дель Вайо оказался прекрасным связующим звеном для упомянутых выше отношений.

«Наша дискуссия была долгой — она шла в течение трёх дней. Это была свободная беседа, без посредников и переводчиков (...). Так как мне необходимо было убедить Ларго Кабальеро в обязательном союзе рабочего класса с другими силами, то я прибег к длинному вступлению, которое иногда прерывалось вопросами на тему образования Народного фронта во Франции. Я указал, что угроза фашизма гнездилась в осознании рабочими массами своего значения, и если они не объединятся, то будут разгромлены. Также я подчеркнул, что опасность фашизма в Испании не представлялась менее слабой, чем во Франции (...).

Что касается этого вопроса (отношения социалистов и коммунистов), я знал, что в целом Ларго Кабальеро будет согласен со мной, в особенности принимая во внимание его положительные отклики о КПИ. Но я также знал, что он не поддержит идею союза рабочего класса с другими социальными категориями».

Дюкло весьма элегантно развил идею необходимости союза со средним классом и интеллигенцией ввиду приближающихся выборов и т.д., и т.п. Он пишет:

«На этом месте Ларго Кабальеро выказал неуступчивость, как я и предвидел. Он говорил о непоследовательности промежуточных классов и объяснил мне, что рабочий класс являлся единственной революционной силой, приводя примеры из произведений Маркса и также Ленина, которым, как он сказал мне, восхищался».

Затем, длиной на всю страницу, Дюкло приводит свои объяснения, как он, признавая значимость всего сказанного руководителем соцпартии Испании и с огромным уважением к «учителям» Марксу и Ленину, однако не закрывая глаза на действительность, переходит к принятию идеи, что в силу исторических причин иногда имеют место явления влияния

одного класса на другой и т.д., и т.п. Как он сам выражается, пытался «подсластить горечь» своей речи к лидеру социалистов.

За этим следует ещё половина страницы с «выборной арифметикой», что, по-видимому, очень заинтересовало Кабальеро, и, наконец, последовал удар:

«Я спросил у Ларго Кабальеро о возможных результатах выборов в Испании в рамках перспективы создания Народного фронта, и он выразил мнение, что Коммунистическая партия одержит победу, равно как и социалистическая. Я почувствовал себя близко к достижению моей цели, и, когда сказал ему, что после возвращения в Париж должен направиться в Москву и сообщить об его ответе руководителям Коммунистического Интернационала, то он ответил: скажите, что Народный фронт будет создан в Испании. Я чувствовал себя счастливым и также признательным к этому уважаемому партийному активисту, чей образ мыслей изменился под влиянием действительности, которую он вначале не понимал во всей её широте и сложности»⁴⁵⁹.

В то время как гильотина рабочего класса, которой станет Народный фронт, проходит смазку, вернёмся в тюрьму «Модело» в Валенсии, куда в августе перевели Дуррути из Барселоны.

Версия #1

Зверобой создал 16 июля 2025 19:59:34

Зверобой обновил 16 июля 2025 20:03:39